

Золотой хлеб

Жила-была старуха-вдова с дочкой. Хоть собой девушка была красавица писаная, зато горда, на богатство да на почести завистлива и безжалостна — точно бедности никогда ей и близко видеть не приходилось. Жили они с матерью в плохих достатках, а женихи у девушки из-за ее красоты не переводились. Только по нраву ей ни один не пришелся: этот собой нехорош, этот небогат, тот неумен, а тот и всем бы взял — да из мужицкого рода. Точно сама не крестьянка была.

Лежит раз ночью старуха, не спится ей. Смотрит: дочка чего-то так весело во сне улыбается. Наутро мать и спрашивает ее: «Что это ты, дочка, нынче во сне улыбалась? Видно, сон веселый видела?» А та ей: «Хороший, матушка, сон мне приснился: будто приехал к нам в медной карете чужестранный боярин, подарил мне серьги с самоцветными камнями и взял за себя замуж. А как в церкви мы с ним венчались, народ только и смотрел, что на образа да на меня». «Ох, много в тебе гордости, дочка!» — говорит старуха.

В самый тот день приехал свататься к девушке добрый молодец, богатого мельника сын, и говорит ей: «Хочешь, красавица, со мной жить, мой крестьянский хлеб есть?» А она ему: «Не за всякого боярина пойду, не то что за тебя, сиволапого!»

На другую ночь приснился девушке сон: будто приехал к ним чужеземный князь в серебряной карете, подарил ей драгоценное ожерелье да платье из серебряной парчи и взял за себя замуж. А в церкви народ будто больше на нее оборачивался, чем на образа смотрел.

И вправду, посватался за нее в тот же день молодой боярин. «Полюбилась мне, — говорит он старухе, — твоя дочка. Хочу, чтобы была моей женой». А девушка ему: «Меня князь с охотой замуж бы взял, да и то я еще подумаю».

На третье утро рассказала девушка матери, что снился ей сон: будто приехал к ним в золотой карете чужеземный королевич, подарил ей весь убор из золота с жемчугами да золотое платье и взял ее замуж. А в церкви будто народ все время только на нее и смотрел. «Ох, дитяtko, — говорит старуха, — сколько в тебе гордости! Да и жемчуг во сне видеть — не к добру, к слезам».

Только успела это старуха вымолвить, подъезжают к их избушке три кареты: одна золотая — шестериком, другая серебряная — четвериком, а третья медная — парюю вороных коней запряжена. Из карет вышел чужеземный

молодой королевич с двумя своими боярами и вошел в избушку. «Здравствуй, девица! — говорит королевич. — И до меня дошла весть о твоей красоте. Хочешь выйти за меня замуж, со мною в моем королевстве жить, мой королевский золотой хлеб есть?» И подал девице весь убор из дорогих камней и платье золотой парчи. Хотела было мать спросить жениха: из какого государства он королевич и почему он свой хлеб золотым называет, — дочка ей и слова вымолвить не дала. «Согласна, — говорит, — за тебя замуж выйти и твой хлеб есть, какой он ни наест!» Села с королевичем в золотую карету, — даже у матери благословенья не попросила, не простилась со старухой, — и поехали.

Подхватили карету вороные кони, помчали — только пыль столбом. Ничего кругом не видно, тьма крошечная... И чудится девице: будто карета куда-то все вниз да вниз спускается, а кругом будто огоньки малые мелькают. «Куда это мы, суженый?» — спрашивает она жениха. А тот смеется: «Не бойся, — говорит, — сейчас приедем». Остановилась карета на широкой поляне, вышла девица и видит: стоит перед ней дворец — весь из чистого золота, с серебряной крышей, в окошках, вместо стекол, камни самоцветные вставлены — как жар горят, все вокруг освещают... А кругом будто костры пылают, котлы кипят, стон, крик слышится.

Вошла девица с женихом в золотые палаты. Посреди большой залы стол накрыт, на нем золотые блюда с крышками наставлены. «Садись, красавица, — говорит жених, — г моего хлеба-соли отведай». Сели за стол. Блюда сами открываются, одно за одним к ним пододвигаются. Смотрит девица: на одном блюде все золото, на другом серебро кусками, на третьем камни самоцветные насыпаны. А жених ее — уж не красавец королевич: у него рога выросли, весь он шерстью оброс, ноги конские, на руках когти железные, и ест он золото, как хлеб, самоцветными камнями закусывает, на девицу поглядывает да усмехается... Поняла она тут, что к самому нечистому она в ад попала и взмолилась. «Выпусти меня, — говорит, — на белый свет, не хочу я золота, дай кусок простого черного хлеба, не то я с голоду умру». А тот ей: «Другого у нас хлеба здесь нет, сама ты захотела со мной жить, мой золотой хлеб есть. С голоду тебе умереть нельзя: у нас здесь не умирают; будешь ты со мною жить и вечно о простом людском хлебе мучиться. А выпускать тебя на вольный белый свет я буду в год два раза на два часа: перед великими людскими праздниками, чтобы ты не забыла, как люди живут, многого не желают, разговенью радуются».

И живет с той поры девица у нечистого — только на золото да на самоцветные камни смотрит да муки грешников слышит. Выпускает он ее на вольный белый

свет лишь в ночь под Рождество да под Светлый Праздник, и ходит она по земле каждый раз два часа, у православных под окнами стучится, куска черного хлеба Христовым именем просит. А прочее время у нее нет ничего, кроме золота, — чего ей пуще всего на свете хотелось, и нет к ней жалости, которой у нее самой на земле ни к кому не было.